

Асоціація «Новий Акрополь»
Філософський факультет КНУ ім. Тараса Шевченка
Державна академія керівних кадрів культури і мистецтв
Державний університет театру, кіно і телебачення ім. І.К. Карпенка-Карого
Інститут педагогіки і психології професійної освіти АПНУ
Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т.Рильського НАНУ
Українська секція AICA (UNESCO)

МІФОЛОГІЧНИЙ ПРОСТІР І ЧАС У СУЧАСНІЙ КУЛЬТУРІ

МАТЕРІАЛИ
МІЖНАРОДНОЇ НАУКОВОЇ КОНФЕРЕНЦІЇ
12 – 13 грудня 2003 р

Частина 1

Київ 2003

Совместная работа Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского «Миф — имя — культура» (1973) стоит в их творчестве особняком. Употребляемое в этой статье понятие «мифологическое пространство» и вовсе экзотично. Если Ю.М. Лотман и предпринимал пространственные рассуждения литературы и культуры, то Б.А. Успенский к проблеме пространства вообще не имел никакого отношения.

В контексте статьи «Миф — имя — культура» понятие «мифологического пространства» также выглядит инородно. Ему посвящено чуть более двух десятков строк. В довольно обширной статье это понятие вообще не работает. Необходимо отметить, что пятьюдесятью годами раньше в фундаментальном труде Эрнста Кассирера также шла речь о «мифологическом пространстве», но авторы не ссылаются на это произведение. Любопытно также, что в статье В.Н. Топорова «Пространство и текст» (1983) было введено понятие «мифопоэтического пространства». При этом он также не соизволил сослаться на своих коллег по московско-тартуской школе.

Определения своему объекту авторы в сущности не дают, ограничиваясь констатацией: «Мифологическому миру присуще специфическое мифологическое понимание пространства: оно представляется не в виде признакового континуума, а как совокупность отдельных объектов, носящих собственные имена». В чем именно состоит специфическое отличие «мифологического пространства» от более употребительных, не указывается. Оно противопоставляется довольно неопределенному «признаковому континууму» с неясно как понимаемым «признаком». Определять пространство как «совокупность объектов» явно недостаточно — необходимо указать еще специфические (геометрические) отношения между элементами. Отсутствие четкого определения авторы заменяют произвольным приписыванием ему разнообразных свойств. Так, у них получается, что в промежутках между объектами «пространство как бы прерывается». Такое суждение в принципе противоречит употреблению термина «пространство» — прерываться может лишь *среда*. Но примечательно, что именно Э. Кассирер впервые говорил о дискретности (на языке наших авторов — «локусности») пространства.

Сказочную фантастику напоминает суждение о том, что «перемещение из одного locus'a в другой может протекать вне времени, заменяясь некоторыми устойчивыми былинными формулами». Абсолютно не понятно как перемещение может «произвольно сжиматься или растягиваться по отношению к течению времени в

locus'ax, обозначенных собственными именами». Какое отношение к пространству имеет констатация, что «попадая на новое место, объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом»?

Утверждая, что мифологическое пространство способно «моделировать иные, непространственные (семантические, ценностные и т.д.) отношения», авторы вольно или невольно повторяют мысль Э. Кассирера. По их представлению «заполненность мифологического пространства собственными именами придает его внутренним объектам конечный, считаемый характер, а ему самому — признаки отграниченности». Здесь авторы некорректно переносят характеристику *вмещаемого* на свойства *вмещающего*, а имена не отличают от объектов. Утверждая, что «мифологическое пространство всегда невелико и замкнуто», авторы не объясняют, как измеряется пространство (на самом деле можно говорить о величине и замкнутости лишь для *тел*).

Но не лучше обстоят дела и с концептами, к которым сводится «мифологическое пространство». Явно недостаточным выглядит следующее косвенное определение: «Сознание, порождающее мифологические описания, мы будем именовать «мифологическим».

Авторы видят «специфику мифологического мышления в том, что отождествление мифологических единиц происходит на уровне самих объектов, а не на уровне имен». Но позволяет ли это рассматривать его как «парадоксальное, но никоим образом не как примитивное»?

Не добавляет оптимизма и следующее суждение авторов: «мифологическое сознание принципиально непереводаемо в план иного описания, в себе замкнуто и, значит, постижимо только изнутри, а не извне».

В конечном счете, «мифологическое пространство» свобода само оказывается своеобразной мифологемой, а соответствующие авторские построения — квазинаучной мифологией.